

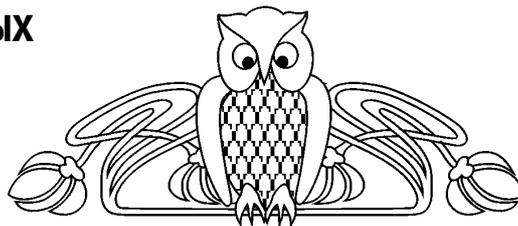

УДК 32:130.3

МИФ «КОММУНИКАЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В публикации анализируются причины и логика перехода, наблюдающегося в массовом сознании обществ и элит, от представлений о «коммуникации» субъектов политики как средстве решения их конкретных политических проблем к представлению о ней как конечном практическом результате современной политики. Прогнозируются последствия такого перехода для динамики политических процессов различного уровня.

Ключевые слова: политический процесс, политическая коммуникация, политический миф.

The Myth of «Communication» in Modern Political Processes

N. I. Shestov

The publication analyzes the causes and the logic of transition, which is observed in the mass consciousness of society and elites, from the ideas of «communication» of political subjects, as a means of solving their specific political problems, to the idea of it as the final practical result of modern politics. Effects of that transition for the dynamics of political processes at various levels are predicted.

Key words: political process, political communication, political myth.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74

В любой политике, как внутренней, так и международной, когда задействованы значительные общественные и государственные ресурсы, для оценки наукой и массовым сознанием ее состоятельности и перспективности был и остается важным достигнутый ею практический результат. В современной политике имеет место тенденция к пересмотру этой традиционной аксиомы. В последнее десятилетие дипломатами, политиками, а следом за ними и СМИ в качестве значимого и в каком-то смысле наиболее естественного и достаточного для оценки состоятельности той или иной политики результата все чаще позиционируется не действительно относительно законченное и потому практически значимое решение какой-либо конкретной проблемы внутренней политики или международных отношений (например, ликвидация международного конфликта либо гражданского конфликта в одной стране, угрожающего региональной и глобальной безопасности, разрешение споров между действующей властью и оппозицией), а само по себе налаживание коммуникаций между участниками этих отношений. Конечный практический результат в этой ситуации как бы ото-

двигается на второй план. На первый план выходит сама по себе коммуникативная активность субъектов политики. А практический результат из элемента текущей политики превращается в элемент политической перспективы, причем часто отдаленной.

Такое, например, можно сегодня наблюдать в непрекращающейся ни на неделю дипломатической полемике между Россией и Японией по поводу четырех спорных островов Курильской гряды. Каждая сторона в этом дипломатическом споре настаивает на неизменности своих принципиальных позиций, постоянно разными дипломатическими средствами демонстрирует свою «озабоченность» намерениями и действиями партнера. Но при этом публично не презентуются какие-либо конкретные варианты приведения спора к практическому решению. На каждом новом витке переговорного процесса достигнутым результатом и свидетельством продвижения этого процесса вперед стороны предлагают считать свое согласие и дальше не прерывать переговорного процесса на высшем уровне и продолжать текущие консультации на уровне правительств.

Аналогичная тенденция обнаруживает себя в подходах великих держав, обеспокоенных проблемами активизации международного терроризма и обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, к вопросу об оптимальных способах локализации и прекращения, например, внутрисирийского конфликта. Относительно того, что в перспективе можно было бы считать «последней точкой» данного конфликта, США и их союзники, с одной стороны, и Россия и ее союзники, с другой, имеют, по крайней мере, на настоящий момент, совершенно разное мнение. Для одних эту точку обозначает отстранение Б. Асада от власти, для других – осуществление в Сирии свободных выборов. Если в течение последнего года что-то и побуждает мировые державы, участвующие в этом конфликте, не мешать друг другу в решении собственных задач, так это представление о том, что именно при любом варианте развития событий можно будет считать конечным практическим результатом их военного вмешательства в данный конфликт. Таковым представляется момент, когда правительство и вооруженная оп-

позиция от стрельбы друг по другу перейдут к мирным способам политической коммуникации.

Ту же тенденцию можно наблюдать в понимании «начал и концов» нынешнего украинского гражданского конфликта как его непосредственными участниками, так и сочувствующими международными наблюдателями. Логику этого конфликта и его грядущие последствия каждая из сторон и внешние наблюдатели понимают очень по-разному. Но все дружно видят практический результат своих политических усилий именно в том, чтобы политический процесс в Украине нормализовался, т. е. вошел в русло устойчивых коммуникаций, консультаций и переговоров правительства этой страны с руководством Луганской и Донецкой республик, не прерывающихся, как это имеет место сегодня, военными действиями и взаимными санкциями. Для американских и европейских политиков и политических экспертов налаживание устойчивых коммуникаций между сторонами конфликта в Украине выглядит достижением настолько практически, можно сказать, даже символически важным в соотношении с другими конкретными позициями Минских соглашений, даже в соотношении с конституционной реформой, предусмотренной этими соглашениями, что именно в нежелании содействовать таким коммуникациям они часто обвиняют Россию.

Во внутригосударственной политике эта тенденция выражена не так очевидно. В пространстве национально-государственной политики по объективным условиям медленнее меняются устоявшиеся представления граждан и элит о том, что такое практическая политика, а что только разговоры о политике. Во многом потому, что в современном национальном государстве в условиях либеральной демократии любой политический процесс так или иначе вписан в электоральные циклы. Циклы эти имеют относительно четкую правовую регламентацию и осязаемую связь с функционированием государственных и общественных институтов, со сменой политических элит. Здесь объективно меньше условий для того, чтобы отождествлять, например, предвыборные коммуникации участников электоральной кампании с ее практическим результатом (каковыми являются изменение, а чаще корректировка институциональных и режимных характеристик политической системы, смена государственных и общественных лидеров, ротация элит).

Тем не менее, такая тенденция существует и на этом уровне политического процесса. Ее обнаруживает, например, ситуация, все чаще в последнее десятилетие возникающая в разных странах и на разных континентах. В частности, когда по результатам состоявшейся электоральной кампании сторона, проигравшая выборы, всеми средствами, вплоть до организации массовых акций гражданского неповиновения и

дискредитации своей политической системы в глазах мирового сообщества, пытается принудить победившую сторону к отказу от признания итогов выборов окончательным практическим результатом внутригосударственного политического процесса как на данном этапе, так и на весь последующий электоральный цикл. Вместо этого от победившей стороны требуют (иногда при активной поддержке со стороны внешних политических сил) признать выборы несостоявшимися и возобновить полноформатные политические коммуникации с оппозицией. Только в этом случае, как утверждают обычно сторонники такого образа мыслей и действий, можно будет говорить о том, что в данной стране имеет место подлинная демократическая политика, соответствующая «общечеловеческим ценностям» и «международным стандартам».

Это отождествление инструмента политики, каковым являются коммуникации, с ее практическим результатом имеет свою логику, сходную, заметим, с обычной логикой конструирования массовым сознанием политического мифа, то есть стереотипного и эмоционально окрашенного восприятия людьми и обществами политической реальности и по-своему рационального суждения об этой реальности. Рационального в том смысле, что миф трактует политическую реальность, как правило, однобоко, и тем существенно упрощает рядовым участникам политического процесса ориентацию в нем и политический выбор. Миф на первый план массового сознания выводит порой именно самую важную сторону политической реальности, но именно только одну сторону – ту, которая используется для нужд мобилизации участников политического процесса, к другой стороне дела он остается безучастным.

Логика функционирования политического мифа объясняет природу инверсии в представлениях современников о политике. В данном случае на первый план массового сознания выдвигается один из важнейших на данный момент, а возможно, и на обозримую перспективу политического процесса, аспект. Другие аспекты новый миф политики отодвигает на второй план. На самом деле речь идет о достаточно важных вещах. Легко, например, просчитать негативные последствия такой перемены во взглядах современных людей на политику. В частности, уже сегодня в международной политике (а это неизбежно сказывается и на состоянии политического процесса в отдельных регионах мира и странах) имеет место тенденция к переводу в формат многолетних переговоров и консультаций, бесконечных согласований и экспертиз, манипуляций информационными поводами и политическими повестками, а значит, к затягиванию на неопределенный и неопределяемый срок как интеграционных процессов, так и конфликтов. Даже тех конфликтов, в решении которых применяется

прямая военная сила, и вследствие этого можно было бы ожидать их быстрый практический результат – в виде, например, победы одной из противоборствующих сторон, или же в виде силового разъединения конфликтующих сторон миротворческими силами, либо в виде формирования новых государственных и общественных институтов на месте разрушенных, новых форм общежития и правовых норм, его регулирующих. А главное, в виде признания легитимности всей этой новизны большинством граждан и представителей элиты в пространстве состоявшегося и прекратившегося конфликта. Чаще развитие конфликта останавливается где-то в промежутке между разрушением старых политического и культурного укладов и формированием новых.

Эти «зависшие» в пространстве и времени конфликты сегодня наслаиваются друг на друга, и формируется некая «пирамида конфликтности». Наблюдение за тем, как растет эта пирамида, рождает у современных политических экспертов вполне резонные опасения по поводу позитивных качеств того миропорядка, который, как пророчествуют теоретики глобализации, неизбежно придет на смену порядку нынешнему. У человека, наблюдающего, как складывается этот новый миропорядок, возникает впечатление, что движение всей мировой политики происходит хаотично, что еще хуже – неподконтрольно даже тем силам, которые этот хаос породили и поддерживают сегодня в своих геополитических интересах. В этом, вероятно, состоит определенный стратегический риск такой аберрации. Риск с точки зрения будущего политики, в которой в случае дальнейшего развития указанной тенденции будут ослабевать осязаемые для политической науки и практики связи между политическим интересом, политическим ресурсом, вложенным в реализацию этого интереса, и практическим полученным результатом. А значит, будут сужаться возможности контроля и прогнозирования политических процессов.

Но в перемене взгляда современников на суть политики есть и своя положительная сторона, на которой «миф политических коммуникаций», собственно, и сосредоточивает их внимание. В этой аберрации смыслов есть прямая выгода для нынешней либерально-демократической политики. Выгода эта становится особенно понятной в свете претензий нынешних либеральных теорий и практик на роль стратегии глобализации, идейной и институциональной основы будущего миропорядка. У современных, развитых в правовом, культурном и экономическом отношении либерально-демократических систем в Старом и Новом Свете, лидирующих в мировой политике и использующих нынешнюю глобализацию для закрепления своего исторического успеха, есть оптимистичные планы на настоящее. Они касаются настоящего как внутренней, так и внешней политики, проводимой либерально-демократи-

ческими государствами. Но у этих современных государств и управляющих ими элит нет столь же оптимистичных планов на будущее, хотя бы в какой-то мере подобных тем, которые прежде находили аккумулированное выражение в классических идеологиях. Когда властная элита ничего не может сказать позитивного гражданам об их будущем и предлагает поэтому в полной мере сосредоточиться на дне нынешнем и потреблять, потреблять, потреблять материальные блага, то с неизбежностью в массовом сознании современных гражданских обществ усиливаются эсхатологические установки, с одной стороны, а с другой – политический радикализм. Отсутствие планов на будущее объективно работает на снижение легитимности и функциональности либеральных политических институтов и практик. Примеры тому, касающиеся и внутренней, и внешней политики, ежедневно предоставляет жизнь Евросоюза. Идея, что в политике, по определению, ничего не предрешено, что любая политическая ситуация, какой бы она объективной ни выглядела, обсуждаема и потенциально изменяема, эта идея решает очень многое в нынешнем кризисе либерально-демократической стратегии внутренней и внешней политики. Она позволяет элитам показать общества, а обществам увидеть, в чем состоит реальный прогресс современной либеральной политики во всех ее измерениях. Перевод коммуникации между государственными элитами и гражданскими обществами в русло on-line обсуждения внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем вместо их решения «здесь и сейчас» позволяет симулировать эффект динамики современной либерально-демократической политики. И даже ее прогресса. Раз политика – это коммуникации между ее субъектами, а коммуникации развиваются и расширяются и внутри государств, и по всему миру, то вот он, очевидный прогресс либерально-демократической политики, и вот основание для нее претендовать на лидерство в ряду других политических стратегий глобализации, возможных для современного человечества.

Дело не только в расширении возможностей элит манипулировать массовым сознанием. За счет «отложенных решений» и активированных коммуникаций у самих национально-государственных элит в современном мире появляются новые возможности маневрирования в мировом и страновом политических пространствах. Чем меньше внимание обществ привлечено к результатам политики и больше – к ее процессу, тем шире образуется пространство для политического маневрирования элит в решении действительно трудных вопросов внешней и внутренней политики, тем больше ресурс времени для выявления, осмысления различных рисков в мире современной политики и выработки подходов к противодействию им. По большому счету, для современных политических элит такой новый

миф политики есть средство противодействия возрастающей динамичности реальной внутренней и особенно внешней политики. Это способ если не на уровне самой политической реальности, то хотя бы на уровне представлений элит и обществ о свойствах этой реальности снизить эту возрастающую динамику до уровня, при котором политические процессы не выглядели бы так хаотично, непрогнозируемо и неуправляемо, а потому рискованно, как они выглядят сейчас. Пока элиты и общества включены в постоянные политические коммуникации, у них есть повод надеяться, что им известен смысл политики и они эту политику контролируют.

Вопрос в том, удастся ли современным развитым социально-политическим системам извлечь для себя эту самую пользу из складывающейся ситуации. С одной стороны, развитие средств массовой коммуникации дает различным субъектам современной политики из года в год все более широкие возможности для организации и поддержания коммуникаций для публичной демонстрации того, что сама по себе коммуникация – это и есть «подлинная политика». Эти технологии, несомненно, будут развиваться и дальше в силу в том числе практической востребованности их плодов, как уже было отмечено, политической практикой либерально-демократических элит и обществ. У элит и обществ складывается определенный мифологический настрой на восприятие политической реальности в том формате, который обеспечивают современные информационные технологии. Иначе говоря, перспектива либеральной политики в современном мире складывается вроде бы удачно.

Общую оптимистичную картину портит вопрос качества той политической информации, которая должна, по идее, быть задействована в этих коммуникациях, быть их «альфой» и «омегой», содержательным наполнением элитарных и общественных представлений о «реальной политике» и аргументом в пользу легитимности и функциональности государственных и общественных институтов и практик. Когда готовился данный материал, в Сети живому обсуждению подверглась инициатива составителей знаменитого Оксфордского словаря. Последние определили «словом года» для 2016 г. слово «постправда». Это, по сути, емкое определение того нового качества, которое приобретает информация, политическая в первую очередь, когда становится наполнением различных, и не только электронных, систем массовых коммуникаций. Издатели Словаря говорят, что это прилагательное, «описывающее обстоятельства, в которых объективные факты менее значимы для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям или личным убеждениям», и что частота его употребления в массовых коммуникациях только за прошедший год возросла в 20 раз¹.

По причине движения по разным каналам массовых коммуникаций больших и плохо поддающихся логическому и содержательному анализу массивов политической информации произошло стирание прежде четкой грани между политическим фактом и его медийной интерпретацией, объективной политической реальностью и ее виртуальным образом, который, тем не менее, фигурирует в пространстве массовых коммуникаций в статусе «несомненного факта»². В такой ситуации у участников любой политической коммуникации любого масштаба нет возможности отделить правду от лжи, составить реальное представление о партнерах по коммуникации, вообще о тех действительных условиях, в которых эта коммуникация развивается. У участников «политики как коммуникации» естественным образом формируется опасение (что и придает современной политике чрезвычайную нервозность) уже даже не только по поводу реальности или нереальности политической субъектности партнера: так ли он в действительности силен и влиятелен, как он сам себя презентует посредством медийных технологий? Опасение неизбежно возникает по поводу реальности самого предмета политической коммуникации, самих вопросов, которые выносятся на обсуждение в качестве повестки внутренней и международной политики. Что обсуждается: реальная политическая проблема или «фейк», умело и преднамеренно сконструированный в виртуальном пространстве и не имеющий ничего общего с политической реальностью? Это сомнение, по сути, в самом факте существования политики в том ее новом измерении, устойчивое представление о котором складывается сегодня в сознании элит и обществ. Время от времени это сомнение прорывается во взаимных упреках партнеров в приверженности политике «двойных стандартов», самый факт наличия либо отсутствия которой никто не в состоянии аргументированно подтвердить, ни опровергнуть, в ведении «гибридной войны». Например, 23 ноября 2016 г. Европарламент, с подачи польского депутата Анны Фотиги, принял резолюцию о враждебной Евросоюзу пропаганде, в которой последняя охарактеризована как элемент «гибридной войны», как манипуляция информацией с целью «исказить правду, посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство»³. В резолюции есть показательный пассаж: «Европарламент признает, что российское правительство агрессивно использует целый спектр средств и инструментов <...> для атак на демократические ценности, для раскола Европы, для обеспечения поддержки внутри страны и создания впечатления о разногласиях между странами Восточного соседства и

ЕС»⁴. Своего рода официальный протест политики, основанной на интересах, против политики, основанной на информационных коммуникациях. Резолюция рекомендует усилить «Оперативную группу по стратегическим коммуникациям на Востоке» (East StratCom Task Force), превратив ее в полноценное ведомство в составе Европейской службы внешних связей (EEAS, фактическое МИД Евросоюза)⁵.

Притом, никто из политиков и дипломатов, критикующих своих партнеров и оппонентов за непоследовательность и корыстный умысел, не может определенно сказать, какой именно «стандарт» (силовой либо коммуникативный) олицетворяет собой реальную и «правильную» политику, а какой выражает ее девиацию. Сомнение в реальности того, что в тот или иной момент выступает предметом политической коммуникации, обуславливает еще большую, чем в прежние времена, взаимную настороженность субъектов политики, их естественное желание вернуть современную политическую игру из виртуального русла в русло реальности, в русло «единого стандарта». А это последнее русло на практике оказывается зарезервировано за силовыми методами решения проблем точно так же, как русло политики на основе коммуникаций оказывается зарезервировано, по большей части, под проблемы виртуального порядка. Представляется,

что данный «когнитивный диссонанс» в восприятии политики современными обществами и элитами маркирует актуальный для дальнейшей организации политических практик и важный для политической науки (в качестве предмета политического исследования) вектор нарастания кризисных явлений во всей мировой системе либерально-демократической политики.

Примечания

- ¹ Мирошниченко А. Мир постправды. Как привыкнуть к новой реальности. 22 ноября 2016 г. URL: <https://republic.ru/posts/76454> (дата обращения: 23.11.2016).
- ² См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия. (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов : ИЦ Наука. 2010.
- ³ Европарламент принял резолюцию о противодействии внешней пропаганде. URL: <https://news.mail.ru/politics/27889434/?frommail=1> (дата обращения: 23.11.2016).
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Европарламент принял резолюцию о противодействии российской пропаганде. URL: http://www.rbc.ru/politics/23/11/2016/583588809a79473fba71cf7a?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top3 (дата обращения: 23.11.2016).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Миф «коммуникации» в современных политических процессах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 70–74. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74.

Cite this article as:

Shestov N. I. The Myth of «Communication» in Modern Political Processes. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politics*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 70–74 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-70-74.